

Оригинальная статья / Original Article

DOI: 10.31857/S160578800024285-9

Повесть “Детство” Пантелеймона Романова: погружение в творческую историю

© 2023 г. Л. Ю. Суrowова

Кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник
Института мировой литературы имени А.М. Горького РАН,
Россия, 121069, Москва, ул. Поварская, д. 25а
ORCID ID: 0000-0002-6163-1530
l.sur@mail.ru

Резюме. Творчество П.С. Романова, игравшего в 1920-е годы заметную роль в литературном процессе, было забыто на несколько десятилетий после смерти писателя. Только с 2000-х годов его прозой более активно начали интересоваться исследователи, которых Романов привлекает, прежде всего, как мастер сатирического рассказа. Несмотря на существование монографий о Романове, из поля зрения были упущены рукописи писателя, изучению которых не уделялось никакого внимания. Данная статья о повести Романова “Детство” (1924) основана целиком на архивном материале и отчасти должна восполнить этот пробел. Обращение к целому ряду документов — наброскам, черновой редакции, плану, дневникам, автобиографиям, дневниковым записям — позволило приоткрыть некоторые “тайны” создания повести “Детство”. Эта работа представляет собой лишь первый шаг к полному и исчерпывающему исследованию истории текста повести. В дальнейшем предстоит собрать все выявленные источники текста, описать их, четко датировать, выстроить в хронологической последовательности.

Ключевые слова: Романов, повесть “Детство”, творческая история, черновая редакция, наброски, дневниковые записи, планы, воспоминания, критика 1920-х годов.

Для цитирования: Суrowова Л.Ю. Повесть “Детство” Пантелеймона Романова: погружение в творческую историю // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2023. Т. 82. № 3. С. 86–94. DOI: 10.31857/S160578800024285-9

The Story “Childhood” by Panteleimon Romanov: An Immersion into Creative History

© 2023 Lyudmila Yu. Surovova

Cand. Sci. (Philol.),
Senior Researcher at the A.M. Gorky Institute of World Literature
of the Russian Academy of Sciences,
25a Povarskaya Str., Moscow, 121069, Russia
ORCID ID: 0000-0002-6163-1530
l.sur@mail.ru

Abstract. The works of P.S. Romanov, who played a prominent role in the literary process in the 1920s, was forgotten for several decades after the writer’s death. It was not until the 2000s that researchers, attracted by Romanov primarily as a master of the satirical story, began to take a more active interest in his prose. Despite the existence of monographs on Romanov, his manuscripts were overlooked and no attention was paid to their study. This article on Romanov’s story “Childhood” (1924) is based entirely on archival material and should partially fill this gap. The reference to a number of documents, including sketches, draft versions,

plans, diaries, autobiographies, and diary entries, has made it possible to uncover some of the “secrets” behind the creation of the story “Childhood”. This work represents only the first step towards a complete and exhaustive study of the history of the text. In the future, all the identified sources of the story’s text are to be collected, described, clearly dated, and chronologically arranged.

Key words: Romanov, the story “Childhood”, creative history, draft version, sketches, diary entries, plans, memoirs, criticism in the 1920s.

For citation: Surovova, L.Yu. Povest “Detstvo” Pantelejmona Romanova: pogruzhenie v tvorcheskuyu istoriyu [The Story “Childhood” by Panteleimon Romanov: An Immersion into Creative History]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriâ literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2023, Vol. 82, No. 3, pp. 86–94. (In Russ.) DOI: 10.31857/S160578800024285-9

Писатель Пантелеймон Сергеевич Романов (1884–1938) играл немаловажную роль в литературном процессе 1920–1930-х годов. Критики ломали копья вокруг его романа “Русь”, задуманного как широкое полотно предреволюционной жизни России и жестоко высмеянного А.М. Горьким; на него воздвигались гонения за повесть “Товарищ Кисляков” (1930), напечатанную за границей; его изображали карикатуристы в самом неприглядном виде за рассказы о “проблемах пола”. Но никто не спорил о его великолепном сатирическом даровании, наиболее ярко и удачно продемонстрированном им в рассказах о времени “военного коммунизма” и периоде НЭПа. После смерти Романова в 1938 г. он оказался совершенно забыт на несколько десятилетий. В 1939 г. вышел его сборник “Избранное”, и только в 1984 г. была выпущена книга рассказов писателя¹. Затем последовало несколько изданий произведений Романова с предисловием С. Никоненко, приложившего достаточно сил и стараний для популяризации наследия писателя. В 1988 г. за рубежом появилась монография В.В. Петроченкова “Творческая судьба Пантелеймона Романова”. Начиная с 2000-х годов исследователи более активно обращаются к фигуре Романова, который вызывает интерес как острый сатирик.

Архив Романова прекрасно сохранился, одна часть его находится в РГАЛИ, другая – в ОР ИМЛИ. К сожалению, рукописи писателя, этот ценнейший материал для исследования, до сих пор не изучены. Некоторые дневниковые записи Романова вместе с его работой о писательском искусстве “Наука зрения” (1937) были изданы Никоненко в 2007 г. Романов имел привычку заносить в блокнот свои отрывочные мысли, порой довольно откровенные, делать наброски к произведениям (см. подробнее: [1, с. 721–732]). К роману “Русь” относятся несколько тетрадок и блокнотов

с набросками и планами. Повесть “Детство” также складывалась из ряда черновых записей. Погружение в писательскую лабораторию Романова – увлекательное путешествие в мир рождения его идей и образов героев. История создания романа “Русь” для исследователя представляется почти неподъемной глыбой, настолько сложен и извилист был путь, пройденный писателем от первых набросков к окончательному воплощению замысла. “Детство” не принадлежит и по жанру, и по своей теме к произведениям такого масштаба. Поэтому легче восстановить картину постепенного “роста” повести и превращения ее в зрелый, с художественной точки зрения, плод.

Данная статья, посвященная повести “Детство”, не претендует на всеохватность и полноту, сделан лишь первый подступ к творческой истории этого произведения. Казалось бы, повесть о проказах мальчишки, взрослеющего среди красот деревенской природы, в окружении родных, не таит в себе никаких подводных течений, настолько содержание ее просто и ясно. Но после обращения к материалам, непосредственно примыкающим к “Детству”, произведение вдруг оборачивается своей дотоле неизвестной стороной, открывая не лежащие на поверхности смыслы. Видно, как вымысел переплетается с биографическими подробностями из жизни писателя, детскими впечатлениями, его размышлениями о вере и Церкви, дневниковыми откровениями.

Романов датировал повесть 1902–1920 гг. Возможно, замысел ее и возник в 1902 г., но наброски к ней относятся к 1907 г., а публикация состоялась только в 1924 г.; создание проходило условно в два этапа (до и после 1916 г.). “Детство” восходит к отрывочным наброскам, относящимся к родословной писателя. В одной из его автобиографий, прерывающейся на рассказе о тульской гимназии, приводятся следующие сведения: “Дед мой был крепостным барона Черкасова села Селезневки Рузского уезда Московской губернии. Это со стороны матери, а дед со стороны отца был

¹ Романов П.С. Детство: повесть, рассказы / сост., предисл. и послесл. Э. Афанасьева. Тула: Приокское кн. изд-во, 1984. 383 с.

священником в Белеве. Он купил отцу небольшой клочок земли в Петровском, но потом его пришлось отцу продать и купить себе вместо него хуторок в Белевском уезде, куда мы и переехали, когда мне было лет пять” [2, оп. 2, ед. хр. 6].

В самом начале своего писательского пути Романов пробует себя в изображении быта сельских священников (рассказ “Отец Федор”, 1911). На обложке тетради, куда заносились заметки о роли духовенства (1907), стоит заглавие “Жрецы Бога Смертного”, явно характеризующее отношение автора к собранному материалу. В этом оксимороне, в замене привычного определения “бессмертный” на противоположное “смертный” уже дает о себе знать сатирическое начало творчества Романова. Герой этого незавершенного произведения – абстрактный служитель Церкви, не то дьячок, не то рядовой священник, преподающий Закон Божий в церковно-приходской школе. Какие-то его черты могли быть подсказаны не только отцом, но и матерью, выросшей в семье псаломщика; сведения о деде-псаломщике дает одна из автобиографий. Романов изнутри пытается взглянуть на жизнь духовенства, чье благочестие – набор внешних правил и установлений, а в быту царит полное неуважение к семье. В данном случае к жене и сыну. Например, клирик питается простой пищей не из благочестия; он воротит нос от супа, чтобы досадить жене: “Нет, мы попроще что, мы пока еще и в церковь ходим, и Бога помним, – говорил он, намекая на то, что и сын, и жена вчера ко всеношной не пошли и поэтому есть будет попроще, – этого г...на мне не нужно. <...> После шей В.О. всегда раза два громко рыгал так, что кошки отходили подальше” [3, ед. хр. 15, л. 8 об.–9]. Доведя до раздражения жену, “служитель” садится за отчет для благочинного по делам церковно-приходской школы, где преподает Закон Божий. Несмотря на детали, способные вызвать неприязнь к духовенству, Романов с любовью отзывается о матери, выросшей в церковной атмосфере. В его автобиографии она описана с большим благоговением, с уважением к ее религиозным убеждениям: “Мать была полной противоположностью отца: она была религиозна до иступления, с неисправимой ничем верой и доверчивостью к людям, готовая отдать последнюю рубашку, что и бывало почти буквально” [4, с. 22]. Из другой автобиографии: “Мать была очень богомольная и чуть не каждый праздник возила меня в монастырь Жабынь к обедне” [2, оп. 2, ед. хр. 6].

Не разделявший взглядов своей жены отец Романова вызывал менее приятные воспоминания,

хотя писатель отдает должное трудолюбию этого человека, умению накормить многодетную, в шесть человек, семью. Но мать всегда доминирует в воспоминаниях Романова, который считает себя более похожим на нее, чем остальные дети. Поэтому и отношение к духовенству в набросках к неоконченному рассказу “Служители Бога Смертного” нельзя назвать однозначно негативным, и переворачивание понятий “смертный – бессмертный” еще не приговор, а лишь пища для размышления. Романову больно видеть, как священникам порой приходится действительно служить не только Богу, но и земным богам, начальству, от самого низшего до самого высшего. Так, он записывает разговор двух священников о слишком рачительном старосте, украсившем храм новой люстрой, но замучившем народ своей скупостью: собирает у простых мужиков за каждый шаг пожертвования, приложился к плащанице – плати, за все деньги требует.

Размышляя о положении духовенства в России, Романов касается сложной темы: взаимодействие властей и Церкви. Его наброски, как уже упоминалось, датируются 1907 годом, т.е. это подведение итогов недавних событий 1905 года. Писатель возмущен обучением семинаристов, чье воспитание направлено на полное искоренение свободной мысли и повторение заученных формул. Роль священников, по наблюдению Романова, сведена к одной простой задаче – помогать властям в управлении народом, т.е. служить не духовным, а политическим целям усмирения мятежей и подавления революций. Романов приходит к неутешительному выводу: “Во всякого рода освободительных движениях духовенство занимает самое неудобное положение между правительством и народом” [3, ед. хр. 15, л. 38–38 об.].

Мысли о священстве Романов заносит в конец тетради, заполненной довольно пространством повествованием о мальчике-гимназисте, о его проделках, товарищах, надзирателях. По свидетельству Н.В. Ненарокова, племянника Романова, это незаконченная повесть “Воспоминания Осинина”, в которой писатель изобразил под вымышленным именем самого себя. Среди записных книжек одна, возможно, сберегаемая с далекой юности, также относится к незавершенной повести; на обложке стоит “ВО”. Часть записей с этой аббревиатурой, вероятно, уничтожена писателем или утеряна, как поясняет Ненароков. Он же полагает, что Романов использовал черновики “ВО” для другой своей повести – “Детство”.

Романовым обозначены этапы работы над повестью, в дневниковой записи от 1 марта 1916 г.

зафиксировано: «Обдумываю "Детство". 5 лет я работал над ним неумелыми юношескими руками. Потом оставил на целых 5–6 лет. Теперь опять взялся. Если осилю — будет чудесное со-здание. Мне хочется воспроизвести всю красоту мира и чудесную свежесть жизни, которые до-ступны только детству» [3, ед. хр. 93, л. 7].

Рукопись "Детства" пролежала без движения в письменном столе несколько лет. Отрывок из повести поступил в редакцию журнала "Рус-ское богатство" приблизительно после 22 июля 1909 г. (так датировано письмо Романова в редак-цию) и получил одобрительную оценку В.Г. Коро-ленко. Молодого писателя благословили на про-должение, но сам он утерял интерес к своему произведению. В качестве отрывка на суд мэтра была представлена первая часть повести "Дет-ство", названная "Жизнь человеческая". Пред-ставление о ней дают черновые записи к повести, тут же в одной тетради соседствующие с беловы-ми. Романов переписывает то, что спешно набро-сал на первых страницах, вставляя дополнитель-ные эпизоды; затем бросает и начинает новую редакцию. Очень внимательный к датам, он фик-сирует в конце рукописи: 10 февраля 1909 г.

По ранней, черновой редакции "Детства", со-стоящей из набросков, видно, что Романов за-думал с предельной точностью воспроизвести домашний уклад своей семьи, соответственно и назвал свое произведение — "Жизнь челове-ческая". Основная линия окончательной ре-дакции "Детства" здесь уже намечена. Собрав-шиеся в гостиной зимним вечером старшие поджидают едущих на каникулы гимназистов. Вместе со взрослыми предвкушает приезд брать-ев маленький Алеша, предполагаемый герой по-вести. В дальнейшем Романов переведет пове-ствование с третьего лица на первое. Герой сам будет рассказывать о себе, но пока перед нами ничем не примечательный мальчик: "Алеша сей-час жил в своем мире, в мире вечных нянькиных сказок и неосвященных комнат, мимо которых было жутко ходить. И в этом мире, в особенно-сти по вечерам, было так хорошо, таинственно и волшеб-но" [3, ед. хр. 12, л. 3]. Рядом с этим еще полумладенческим существованием протекает более насыщенное, осмысленное бытие, которое писатель характеризует как типичное для людей того времени: отец и мать посвящают себя вос-питанию детей, сосредоточивая на них все свое внимание и заботу. Романов особо подчеркивает четкое распределение ролей в семье. Отец берет на себя основную функцию: «С его старого, выра-зительного лица никогда не сходило выражение

заботы, как будто вся его жизнь была выполне-нием этого креста: заботы о детях, о средствах, и в минуты раздражительности он, в особенности по поводу непрактичности М<арии> И<гнатъев-ны>, говаривал: "Когда это Создатель приберет меня". <...> Вечные заботы под старость сдела-ли его вспыльчивым, горячим, хотя у него было доброе сердце, чего он не любит обнаруживать, и ласкает даже в грубоватой форме» [3, ед. хр. 1, л. 8–8 об.]. Матери отводится пока скромное ме-сто в ранних набросках к повести: "Так же как и в большинстве человеческих семей, мать была за-ступницей и укрывательницей от отца всего, что касается детей" [3, ед. хр. 1, л. 8 об.]. Как и по-добает "господам", в доме Осининых находится прислуга — горничная Даша и нянька Абрамов-на. Гимназистов двое — Ваня и Сережа, их имена Романов перенесет в окончательную редакцию повести. Есть еще взрослая сестра Катя, которая превратится в окончательной редакции в малень-кую девочку, ровесницу Алёши.

Неудовлетворенный этим наброском Романов заново пишет сцену ожидания в гостиной, толь-ко теперь мальчиков ждут, помимо родителей, дядюшка с тетушкой (сестра матери со своим мужем). Эти два колоритных персонажа так по-нравились писателю, что в дальнейшем заняли почетное место в повести. Но в данном наброске заметно, как образ отца уступает свое первенство материнской линии, которая намечена уже ярче и уверенней. Романов обращается к матери, к ее чувствам и переживаниям, подробно описывает возникший конфликт между взрослеющей моло-дежью и женщиной со старыми понятиями. За-метен даже назревающий разлад с послушным и преданным ей маленьким Алешей, которого пе-рестают интересовать "Жития святых": "Мария Игнатъевна рассказывала не сказки, а что-нибудь про святых. И рассказы о мучениках были дей-ствительно интересны — почти то же, что и сказ-ки с разбойниками: так же страшно и приятно. Про преподобных, про тех было скучнее: обык-новенно жил, жил да и умер, а интересного или страшного — ничего" [3, ед. хр. 1, л. 27].

Но Романов останавливается здесь, прерывает работу на эпизоде материнских благочестивых рассказов перед сном. Он делает набросок но-вого эпизода заново: мальчик уже сочувствует религиозному настроению матери. Засыпая, он погружается в материнские религиозные пред-ставления: "Алеше представились и облака, и Бог с седой бородой, так же как в теплой церкви на потолке, под ногами, обутыми в ремни, ка-кой-то шар, в облаках и кругах ангелы, ангелы.

Потом представил себе и душу в святом одеянии, как в людской на картинке страшного суда, что висит в углу под образами. У нее уже все края источили тараканы. Кстате представились и тараканы: выбежит из трещинки в газетной бумаге, которой оклеен угол, остановится, пошевелит усиками, как будто припоминая что-то, и опять убежит назад” [3, ед. хр. 1, л. 44 об.—45]. Не только в бессознательном состоянии, но и наяву Алеша подпадает под материнское влияние.

Братья, как и все мужчины в доме, придерживаются свободных взглядов: “У них постоянно возникают споры и рассуждения, когда их спрашивают в церковь, они и пасхальную ночь могут равнодушно проспать, и в Великую субботу наесться скоромного пирога...” [3, ед. хр. 1, л. 52]. Особенно старший из братьев, Сергей, восстает против приставаний матери. Романов описывает полупустую церковь в период великопостных богослужений. Алеша замечает равнодушие мужской половины дома к Церкви, такое же равнодушие он наблюдает во время общей храмовой молитвы у деревенских ребяташек. Маленький герой старается бороться с подобным равнодушием в своей душе, но думает, стоя на богослужении, как дядюшка пьет чай и как наступит, наконец, пасхальная радость после унылых и скучных постных молитв. Настает черед его исповеди, ему предстоит идти в алтарь через дверь с изображением грозного архангела Михаила с мечом. Ребенок полон ужаса, это его первое покаяние в грехах, но, пройдя через это испытание, он счастлив от чувства очищения. Примечательно, как маленький герой оценивает поведение равнодушных к церковным обрядам мужчин — они, по его мнению, совершают глупость. Романов описывает горе, досаду Алеши, не разбуженного матерью на пасхальную заутреню. В свою очередь набожная мать, чьим мыслям и рассуждениям в черновой редакции придается большое значение, вспоминает, как росли ее старшие дети, ей грустно, что с годами они теряют душу.

Если братья уже повернулись в противоположную от материнских убеждений сторону, то Алеша, так ведет в набросках его линию Романов, открыт своей душой в любую из сторон. Пока двойственность сознания мальчика только обозначена, развития она не получает. Романов подхватит ее, когда вновь обратится к написанию повести “Детство” после 1916 г. Образ Алеши в ранних редакциях очень инертный, без динамики, он целиком предан своему младенческому неведению жизни, поглощен самыми простыми, наивными переживаниями. По сути,

его переживания окружающей прелести бытия совпадают с материнскими. Образ матери сливается с образом Алеши, который повторяет ее, у них обоих бабочка и цветок вызывают восторг, оба они по-детски удивляются всему прекрасному, не замечая порой грубости. Их жизненной позиции противостоит, кроме братьев, тетка Аграфена Игнатъевна, которой, несмотря на религиозность, присущ трезвый взгляд. Например, она подмечает, что староста дерет с мужиков. Ее укоры, бросаемые в адрес церковных порядков, — это почти дословное повторение записей самого Романова о духовенстве из тетради “Жрецы Бога Смертного”.

В набросках маленький герой пока не способен выбрать между разными “лагерями”, позициями. Это отразилось в эпиграфе, которым автор сопроводил одну из ранних редакций: “Камо грядеши?”. Похоже, что и сам автор не мог решить, куда направить своего героя, он не стал продолжать повесть. В архиве писателя найден подробный план промежуточной редакции “Детства”, уже содержащий финальную часть. При сопоставлении плана с дневником Романова становится понятно, что перечень заключительных глав возник после повторного обращения писателя к повести. По дневниковым записям, относящимся к 1916 г., ко времени возвращения к работе над повестью, проясняется причина, по которой писатель вновь продолжил работу над “Детством”, можно даже наблюдать, какое настроение этому способствовало. Романова раздражают мучительные сомнения в своих уникальных творческих способностях: порой он воображает себя гением, порой сознает, что гениальность следует развивать и ее только предстоит достичь путем внутреннего очищения. Этому сопутствует вопрос: не приведет ли постоянная душевная чистота к усталости, обеднению, потому что через грех, по его мнению, входят в нас другие стороны мира. Понятия о чистоте помыслов и внутреннем бесстрастии — следы материнского воспитания, с которым писатель вел борьбу всю свою жизнь, но так от него и не избавился. Ненароков, почти ровесник Романова, вспоминает о нем: «П<антелеймон> С<ергеевич> рос веселым и общительным мальчиком: любил плясать, петь и даже играть на гармонии. Как сейчас, помню его, вертящегося в головокружительной пляске, так что рубашечка веером раздувается во все стороны, словно пачки балерины, или сидит П<антелеймон> С<ергеевич> на стуле, держит на коленях громадную гармонию, из-за которой едва видна его голова, и довольно бойко наигрывает “Барыню” или вальс “Невозвратное время”» [3, ед. хр. 112, л. 17].

Став гимназистом, Романов увлекается рыбной ловлей, охотой, а поступив на юридический факультет Московского университета, превращается в страстного театрала и любителя пения. Но в жены он выбирает девушку из духовного сословия – дочь священника Анну Васильевну Вышневскую. В дневнике 1916 г. она упоминается в связи с его душевными терзаниями, религиозными устремлениями и сомнениями. Здесь заложено начало большой, важной для Романа темы, раскрытой им в "рассказах о любви" ("Письма женщин", "Сирень", "Без черемухи", "Весна" и др.), которые критика окрестила в насмешку "половыми" (см.: [5]). Писатель пытается определить: не лишит ли он себя новизны чувств, если сохранит верность одной женщине. Поскольку он решается серьезно заняться литературой и достичь гениальности, то следование материнским заветам, религиозным нормам способно помешать ему. Но память сердца, глубоко воспринявшего религиозную сторону жизни, заставляет переживать иные, светлые минуты: «Душевная чистота – самая благоприятная среда для глубокого и тонкого познания. В прозрачной воде глубоко видно. <...> Нужно ли стараться вызвать настроение чистоты и высшей любви, когда во мне нет чистоты. <...> Это я пишу потому, что в этот приход Анны я испытал удивительное чувство чистоты душевной и возвышенной любви. Мы заходили в церковь, – там читали "Господи и Владыко живота моего...", пахло ладаном и тем великолепным церковным духом, который напомнил детство, вспомнился старый плиточный церковный пол, цветные стекла в алтаре, иконы, ставни в чехлах и то возвышенное, торжественное, детское настроение, которое бывало, когда идешь из церкви в новом пальто и думаешь о том, что сейчас дома» [3, ед. хр. 93, л. 2–2 об.].

Возникшую из личного опыта тему внутренней борьбы Романов переносит в повесть "Детство". После 1916 г. он составил подробный план новой, промежуточной, редакции повести на основе черновой редакции. В нем молодое поколение семьи приезжает на летние каникулы, а не в холодное время года. Каждая глава представляет собой зарисовку из деревенского усадебного быта. Заметно, как Романов упрощает и суживает повествование. На данном этапе работы над повестью он решил, по-видимому, уменьшить присутствие Алеши, его линия ограничивается эпизодами занятий с учителем и подготовкой к иной, уже почти взрослой жизни, не связанной с тесным миром родни. Примечательно, что в черновой редакции не велась речь о гимназии, в которую должен ехать поступать Алеша. Согласно новому

плану, повесть завершает лирическое расставание с усадьбой: "Осиротевший дом, где прошло детство, со всем, что есть приятного, со сказками, со старыми комнатами, со знакомыми предметами, креслом, диваном, всем. Ночь, холодно по осеннему, пусто" [2, ед. хр. 1, л. 7 об.]. С усадьбой здесь прощается не маленький герой, а рассказчик и подспудно сам автор. Сокрушается и скорбит о прошлом не Алеша. В плане промежуточной редакции мальчик упомянут в содержании лишь нескольких глав, но гораздо четче прорисован облик Кати, чьи первые любовные переживания становятся центром повести. Предполагаемая 34 глава целиком отведена под описание ее сокровенных душевных тайников: "Катя на мир стала иначе смотреть, что внутри ее что-то выросло и сделало ее обладательницей своей собственности, которую она никому не показывала" [2, ед. хр. 1, л. 7 об.]. Романов выдает причину, по которой все его внимание переключилось с Алеши на повзрослевшую Катю. План 34 главы предваряет рассуждение под заглавием "Мужчина и женщина": "Современные мужчины и женщины не способны на сильное чувство жизни и на такую силу личности, какая бы могла быть в нем, наследнике прямой эволюции человечества. Женщина, живущая примитивной общественной жизнью, иногда испытывает такое чувство жизни" [2, оп. 1, ед. хр. 1, л. 7 об.]. Писатель пытается использовать новый жизненный материал и решает, что для его воплощения больше подходит Катя, чем Алеша. Но то главное, что составляет основную идею окончательной редакции повести, уже в виде зерна заложено в составленном писателем плане. В кратком содержании 35 главы появляется деревенский паренек Васька, наперсник Алеши, его товарищ по шалостям и проказам: "После обеда. Зной. Мертвая тишина, в саду, в вишнях с Васькой около спящих молодок. Жара спала. Раскаяние. Чай. Мучение от мыслей" [2, оп. 1, ед. хр. 1, л. 7 об.–8]. В окончательной редакции повести "Детство" Васька воплощает в себе греховное начало, ему отводится роль искусителя. От его влияния Алеша пытается освободиться самыми неожиданными способами.

В окончательной редакции Романов поселяет своего героя в имении крестной. Исчезает фигура отца, обстановка становится богаче, нарисованы декорации, пусть не такого пышного, но, тем не менее, настоящего дворянского быта. Вероятно, на память Романову пришли картины его пребывания в небольшом поместье тетки в Яхонтове. В позднейшей автобиографии писателя сохранился значительный фрагмент, посвященный Яхонтову: "Так как дома на хуторе в Карманье

жизнь была непривлекательная благодаря тому, что нужно было то стеречь коров, то караулить роившихся пчел, которых я смертельно боялся, — то я часто забирался гостить к тетке. У нее было небольшое имение в Одоевском уезде, в селе Яхонтове. Эта женщина имела на меня огромное влияние. Она своими руками насадила сад и до 75 лет лазила по деревьям, обрезывая сучья. Она внушала мне, что никакой труд не пропадет даром, тем более такой труд, который является результатом внутреннего влечения. Никогда не нужно взвешивать будущих результатов и работать до них. Это будет корыстный труд. Надо делать из любви к самому делу, тогда результаты окажутся неожиданно и как бы незаслуженно велики. Но всякое большое дело трудно и главная сила человека заключается в умении и воле для преодоления трудностей. В доказательство она приводила мне пример Эдисона, который для одного изобретения проделал 2000 опытов, прежде чем добиться результатов” [2, оп. 2, ед. хр. 6, л. 3–4]. Образ крестной в переработанной повести вырастает в символ справедливости и разума. Если мать продолжает воплощать сердце, то в дополнение к нему писатель дает именно разум; только при его помощи, по замыслу писателя, можно выйти из состояния греха, в которое Алеша погружается, поощряемый Васькой.

Не раз Романов-гимназист удивлял своими выдумками маленького племянника Ненарокова, сына своей старшей сестры. Несомненно, какие-то из этих выдумок нашли свое отражение в повести “Детство”. Однажды будущий писатель привез корзину с химическими препаратами, чтобы показывать опыты, которые кончались не всегда удачно. В своих воспоминаниях Ненароков рассказывает о несчастном случае: “Помнится, П<антелеймон> С<ергеевич> растер большое количество пороха и, так как дело было в сумерках, ссыпал эту смесь в коробочку, служившую пепельницей, куда наша крестная бросала окурки. Эту коробочку П<антелеймон> С<ергеевич> спрятал во избежание несчастья на полочку за какими-то карточками. Однако зоркий глаз крестной быстро отыскал коробочку и... затушенный окурочек быстро опускается в коробочку... оглушительный взрыв и... рука П<антелеймона> С<ергеевича> оказалась совершенно обожженной” [3, ед. хр. 112, л. 21].

Таким образом, кульминационный эпизод повести, в котором маленький герой “Детства” идет на добровольное сожжение руки по примеру святых, связан с личным опытом писателя и объясняется не только влиянием, например, рассказа

“Отец Сергей” Льва Толстого. Маленький герой желает избавиться таким способом от “распутной” жизни. К хулиганству и дружбе с Васькой его привела нестерпимая обида на взрослых. Обида — важное чувство, привнесенное писателем в образ ребенка. От лица мальчика повествуется о невинном существовании вместе с маленькой сестренкой Катей, об их детских играх, об участии в материнской молитве перед сном. Вдруг в чарующий мир непроснувшейся чистой души врываются чуждые для нее понятия. Приезжают братья, и старший Сергей соблазняет молоденькую горничную Таню. Мальчик сквозь щель в двери наблюдает за навязчивыми приставаниями брата к девушке. На дне чемодана Сергея случайно обнаружены скверные картинки, которые также потрясли воображение взрослого ребенка. В новой редакции повести уже присутствуют помимо братьев и старшие сестры, они составляют другой лагерь — девичий, под их покровительство попадает маленькая Катя. Этот факт усиливает обиду мальчика, так как старшие братья отказываются наотрез принимать его в свою компанию, отсылая к сестрам, составившим и замкнувшим девичий круг, в который взрослому мальчику входить не положено. Романов очень удачно ведет маленького героя через первую исповедь: мальчик испытывает преобразование души, очистившись от скверных мыслей, рожденных нескромным обращением брата с горничной. Но решимости не поддаваться греховному началу хватает ненадолго: “Куда девалось мое настроение чистоты, в котором было так хорошо и легко. И теперь моя жизнь становится все менее и менее свободной, безгрешной и все более сложной. Я чувствую, как в нее входит все новое. Все больше и больше признаков того, что я дальше ухожу от возраста *маленьких* и приближаюсь к большим. Это как с внешней стороны, так и с внутренней. С внешней стороны это выражается в том, что я занимаюсь с учителем. С внутренней — в том, что в этот год я, благодаря братьям и Ваське, узнал многое, чего не знал раньше. И теперь это знание временами мучает меня и вводит в такие грехи, существование которых я не предполагал даже. На мою голову все больше и больше сваливается испытаний, выдержать которые я не в состоянии, я падаю, потом раскаиваюсь и сижу за буфетом или на раките” [6, с. 115]. Маленький герой повести пробует подражать братьям: то Сереже, то Ване. Пытается в их вольном обращении с религией найти оправдание своим хулиганским проделкам. И все же религиозное чувство сильно в мальчике, совесть не дает ему покоя. Поэтому он просит Ваську

приложить к его руке горящую палку. Формируя образ героя, писатель также обращался к своему тогдашнему внутреннему состоянию смятения: быть верным жене или поддаться разнообразным любовным увлечениям. Религия, по его мнению, способна лишь на некоторое время заглушить голос страстей.

Как справедливо подметил Петроченков, во-круг “Детства” не велось бурной полемики, повесть не стала предметом споров, которые сопровождали каждое издание произведений Романова на протяжении 1920-х годов (см.: [7, с. 65]). Тем не менее, стоит представить весь спектр мнений о повести, хотя он и не был широким.

Первые отклики на повесть не отличались серьезным анализом. “Детство” напомнило критикам произведения Льва Толстого, С.Т. Аксакова, Н.Г. Гарина-Михайловского, но ниже уровнем: “...просто, мило, лирично — и только” [8, с. 5]. Друг Романова, критик и литературовед Н.Н. Фатов, превозносивший талант писателя и ставивший его вровень чуть ли не с Толстым, прежде всего указал на неактуальность “Детства” для революционной эпохи: «...жизнь такая далека от нас — с праздниками — “святками” и “пасхами”, с тихими молитвами “на сон грядущий”, с горничными и неизменной “крестной”, которая прежде чем войти на крыльцо, обязательно оскребет ноги о ступеньку; и эта психика ребенка, живущего в привилегированной среде, не знакомого с детством с трудом» [9, с. 293]. Единственное достоинство повести, по мнению критика, — это ее формальная сторона, мастерское изображение прошлого: «И тот факт, что “Детство” П. Романова можно читать после “Детства” Л. Толстого и Аксакова, и то, что пролежав войну и революцию и будучи напечатанной лишь в 1924 г., повесть все-таки не кажется устарелой и ненужной — лучший показатель исключительной высокопробности художественного таланта П. Романова, пленяющего даже такими, в основном чуждыми пролетарской психологии, произведениями» [9, с. 293].

В критических статьях повесть Романова часто сравнивали с “Детством” Льва Толстого. У В. Львова-Рогачевского возникла еще ассоциация с Гончаровым: “невольно погружаешься в тихий сон обломовско-усадебного мира, описанного художником с большой нежностью” [10, с. 11]. Львов-Рогачевский сопоставил повесть с рассказами Романова о новом быте и пришел к выводу, что в творчестве писателя переплетается лирическое и сатирическое и побеждает последнее. На его взгляд, Романов склонен не жалеть

о прошлом, а бичевать его своим оружием — смехом. Пристальной остальных посмотревшая на повесть Е.Ф. Никитина начала с типичных для того времени суждений: «“Детство” не созвучно нашей эпохе, которая выдвинула детей-героев из других социальных групп — крестьянства и пролетариата» [11, с. 57]. “Детство” напомнило Никитиной “сказку о прошлой патриархально-идиллической жизни”, но, несмотря на свою незатейливость, на отсутствие сатиры и насмешки над старым бытом, повесть показалась ей тесно связанной со всем творчеством писателя, ключом к его роману “Русь” и другим произведениям. Пожалуй, только Никитиной удалось распознать всю противоречивость, заложенную в повести, почувствовать сомнения, раздражавшие автора даже на уровне самой манеры изложения. Поэтому повесть для нее полна динамики (остальные критики говорили о “неспешности” “Детства”): “Искусно переплетая рассказ с разного рода описаниями (особенно свежи и ароматны здесь пейзажи), автор умеет сообщить своему произведению несомненную динамичность, которая, вообще говоря, не часто характеризует этот автобиографическо-художественный жанр. Повествовательная напряженность достигается здесь тем, что почти в каждой главе раскрывается что-нибудь новое в психике мальчика-героя. Ценность повести еще увеличивается ее языком, который отличается классической простотой и выразительностью” [11, с. 57].

Критики постоянно намекали на происхождение Романова, на его коренную связь с усадебной культурой, с которой он боролся смехом, по выражению Львова-Рогачевского. Эта “усадебная” сторона романовского творчества не ограничивается лишь бытом, старым укладом, деревенской идиллией. Как показывает погружение в “лабораторию” повести, прошлое для писателя означает определенные религиозно-нравственные устои. Их слом происходил не только в обществе, но и на уровне личности самого писателя, продолжившего работу над повестью в период своих духовных исканий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Суровова Л.Ю. Дневники и записные книжки П. Романова в истории создания романа “Русь” // Текстологический временник. Русская литература XX века: Вопросы текстологии и источниковедения. Кн. 3: Письма и дневники в русском литературном наследии XX века. Отв. ред. Н.В. Корниенко. М.: ИМЛИ РАН, 2018.

2. ИМЛИ. Ф. 24.
3. РГАЛИ. Ф. 1281. Оп. 1.
4. Романов П.С. Вместо биографии // Романов П.С. Наука зрения. М.: Совпадение, 2007.
5. Полонский Вяч. Заметки журналиста. О “проблемах пола” и “половой” литературе // Известия. 1927. 3 апр.
6. Романов П. Полное собрание сочинений. Т. 1. М.: Недра, 1929.
7. Петроченков В.В. Творческая судьба Пантелеймона Романова. Тенафлу (N.J.): Эрмитаж, 1988.
8. Смирнов Н. Критика и библиография. По журналам и альманахам // Известия. 1924. 24 февр.
9. Фатов Н. Пантелеймон Романов // Прибой. Альманах 1. Л., 1925.
10. Львов-Рогачевский В.Л. Пантелеймон Романов // Никитинские субботники. М., 1928.
11. Никитина Е.Ф. Пантелеймон Романов. Анализ повествовательных произведений // Никитинские субботники. М., 1928.

REFERENCES

1. Surovova, L.Y. *Dnevniki i zapisnye knizhki P. Romanova v istorii sozdaniia romana “Rus”* [Diaries and Notebooks of P. Romanov in the History of the Creation of the Novel “Rus”]. *Tekstologicheskii vremennik. Russkaia literatura XX veka: Voprosy tekstologii i istochnikovedeniia. Kn. 3: Pisma i dnevniky v russkom literaturnom nasledii XX veka. Otv. red. N.V. Kornienko* [Textual Timeline. Russian Literature of the Twentieth Century: Issues of
2. IMLI. F. 24. (In Russ.)
3. RGALI. F. 1281. Op. 1. (In Russ.)
4. Romanov, P.S. *Vmesto biografii* [Instead of a Biography]. Romanov, P.S. *Nauka zreniya* [The Science of Vision]. Moscow, Sovpadenie Publ., 2007. (In Russ.)
5. Polonsky, Viach. *Zametki zhurnalista. O “problemakh pola” i “polovoi” literature* [Journalist’s Notes. About “Gender Problems” and “Sexual” Literature]. *Izvestiia* [News]. 1927. 3 apr. (In Russ.)
6. Romanov, P. *Polnoe sobranie sochinenij. T. 1* [The Complete Works. Vol. 1]. Moscow, Nedra Publ., 1929. (In Russ.)
7. Petrochenkov, V.V. *Tvorcheskaia sudba Panteleimona Romanova* [The Creative Fate of Panteleimon Romanov]. Tenaflly (New York), Ermitazh Publ., 1988. (In Russ.)
8. Smirnov, N. *Kritika i bibliografiya. Po zhurnalam i almanaham* [Criticism and Bibliography. By Magazines and Almanacs]. *Izvestiya* [News]. 1924. 24 fevr. (In Russ.)
9. Fatov, N. *Pantelejmon Romanov. Priboj. Almanakh 1* [Surf. Almanac 1]. Leningrad, 1925. (In Russ.)
10. Lvov-Rogachevsky, V.L. *Pantelejmon Romanov. Nikitinskie subbotniki* [Nikitian Saturdays]. Moscow, 1928. (In Russ.)
11. Nikitina, E.F. *Pantelejmon Romanov Analiz povestvoatelnykh proizvedenij* [Pantelejmon Romanov. Analysis of Narrative Works]. *Nikitinskie subbotniki* [Nikitian Saturdays]. Moscow, 1928. (In Russ.)

*Дата поступления материала в редакцию: 6 марта 2023 г.
Статья поступила после рецензирования и доработки: 17 марта 2023 г.
Статья принята к публикации: 15 апреля 2023 г.
Дата публикации: 30 июня 2023 г.*

*Received by Editor on March 6, 2023
Revised on March 17, 2023
Accepted on April 15, 2023
Date of publication: June 30, 2023*